

СЛУЖУ
РОДИНЕ!

ПОДСТРОЧНИК ИСТОРИИ

НЕИЗВЕСТНЫЙ КОЖЕДУБ

Иван Кожедуб

**Неизвестный Кожедуб.
Служу Родине!**

«Яуза»

1949

Кожедуб И. Н.

Неизвестный Кожедуб. Служу Родине! / И. Н. Кожедуб — «Яуза»,
1949

Эта книга не переиздавалась 60 лет. Этот исходный текст мемуаров величайшего советского аса был фактически предан забвению. Но теперь воспоминания лучшего из «сталинских соколов» возвращаются к читателям в своем первоизданном виде! Сегодня уже мало кто помнит, что, кроме знаменитой «Верности Отчизне», И.Н. Кожедуб был автором еще четырех книг, причем ранние издания его мемуаров, вышедшие еще при жизни Сталина, существенно отличаются от поздних текстов, из которых исключены не только все упоминания о Вожде (обычная практика после «разоблачения культа личности»), но и целые главы. В данном издании исходный текст воспоминаний великого летчика печатается полностью, без цензурных искажений, приписок и купюр.

© Кожедуб И. Н., 1949

© Яуза, 1949

Содержание

Часть первая	5
1. Дома	5
2. Не хочу бояться	10
3. Первые обязанности	12
4. Поступаю в школу	13
5. Куркуль	15
6. Горячие дни	16
7. Новая жизнь на селе	18
8. Наш пионеротряд	20
9. Буду художником	22
10. В классе	23
11. На пойме	24
12. Игры	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Иван Никитович Кожедуб Неизвестный Кожедуб. Служу Родине!

*Ленинско-Сталинскому комсомолу, воспитавшему меня,
посвящаю эту книгу.*

Автор

Часть первая В родной Ображеевке

1. Дома

В нашем дворе растут два молодых тополька-однолетки. Их посадил отец. Лет пяти, помню, я уже карабкался по ним. Взберусь на самую верхушку и смотрю по сторонам: вижу крышу нашей хаты и широкую кривую улицу, вдоль улицы – канавы. Весной они – русла пенистых потоков. Через них перекинута мостки. У околицы два небольших озера, заросших осокой. Мимо березняка – гать, обсаженная вербами. Вдаль, к опушке сосновых лесов, уходят поля, а с севера, к Десне, – заливные луга. Гряда невысоких холмов загораживает село от напора вешней воды.

Ширь и приволье!

Вдруг слышу испуганный голос матери:

– Сынок, держись, не впади, та злязь потихесеньку.

Она подбегает к дереву, и я нехотя спускаюсь.

– Ах ты верхолаз! На тебе не вспиваешь шить сорочки та штаны. Будешь лазити ще, то я батькови расскажу.

Живо скатываюсь с дерева: отца побаиваюсь.

Смеркается. Вся наша семья за столом. Ужинаем. Я загляделся на брата Гришу: он исподтишка «строит мне рожи»; несу ложку мимо рта – на столе мокрая дорожка. Вдруг отец бьет меня своей ложкой по лбу:

– Що шкодишь?

Глотаю борщ со слезами.

– Та вин ще малый, билыше не буде, – говорит мать, незаметно подкладывая мне кусочек повкуснее.

Наказание быстро забыто. Ноги у меня до полу не достают. Болтаю ими и нечаянно задеваю отца. Отец в таких случаях строг:

– Вон из-за стола! Сидеть не умеешь!

Обычно его светло-серые глаза добродушны, но когда он рассержен, их взгляд пронизывает и пугает.

– Я что сказал, неслух?

Приходится лезть на печку. Обидно... Издали поглядываю на дымящийся борщ. Хочется есть...

Ужинать кончили. В хате одна мама. Она убирает со стола. Я прыгаю с печи:

– Мамо, мамо, есть хочу!

Она прячет улыбку:

– А що батько сказав? Будешь ще шкодить – ничего не получишь... Ну ось тобі, трохи осталось. Ешь, та быстриш, шоб батько не узнав!..

Отец коренаст, широк в плечах, его узловатые кулаки кажутся мне огромными, и я уверен, что он – сильнее всех.

Он неразговорчив, но в душе мягок, отзывчив, старается помочь людям чем может; это я понял, когда вырос. В детстве хотелось ему учиться, но не пришлось – школы не было. Грамоте выучился самоучкой.

Читать отец любил. Очевидно, поэтому и я рано научился грамоте.

Наше село Ображеевка стоит на самом севере Украины, на Сумщине, между русскими деревнями, поэтому говор у нас смешанный. Отец чаще говорил по-русски.

Мать и сестра – мастерицы вышивать, и вечера они проводят за этим занятием. Я примошусь рядом и рисую в самодельном блокноте зверей и птиц. Отец читает, иногда одобрительно поглядывает на меня и в мой блокнот. Ему хочется, чтобы я стал художником, как наш односельчанин – старик Малышок: ведь на росписи можно и подработать между делом.

Тихо. Вдруг раздается раздраженный голос матери:

– Микита, шо ты там вычитаешь, книжка тобі хлиба не дасть!

Отец молча закладывает страницу и с виноватым видом принимается за починку домашней утвари или плетет лапти.

У матери добрая улыбка и худое, изможденное лицо. Она плохо слышит, и, когда со слезами жалуется на глухоту, мне ее так жаль, что я сам начинаю плакать и хожу за ней следом. Она ловкая, проворная, все время в движении – моет, убирает, стряпает. Но иногда бросит все, упадет на лежанку и застонет:

– Ой, Ивась, больно...

И мне от ее стонов самому словно больно. Хочется бежать из хаты, но удерживает тревога за мать: я ее очень люблю. Не отхожу от нее, подаю пить, поправляю подушку.

Отец стоит рядом, беспомощно разводит руками и тяжело вздыхает.

Мать надорвалась еще до замужества: с детства на ней лежала тяжелая работа. Родом она была из соседнего села – Крупец. Встретились они с моим отцом случайно и полюбили друг друга. Дед хотел отдать дочь по своему выбору и прогнал моего отца, когда тот пришел свататься.

Родители мои поженились тайком. Жили бедно. Отец стал работать на заводе. Семья росла, а вместе с ней и нужда.

Началась Первая мировая война. Отец заболел тифом, хворал долго и тяжело. Хозяйство развалилось.

После Великого Октября отец получил надел земли и лошадь, но поправить хозяйство уже не мог: силы его были надорваны. Как-то, скирдуя сено, он упал с высокого стога; с тех пор прихрамывал, ходить ему было трудно, хворал еще чаще.

Мать видела, что тяжелая работа не под силу ему, но, случалось, попрекала:

– Через тебе сыны на куркуля батрачат!

Я родился в 1920 году и был младшим в семье. Ростом я был невелик, но крепок на удивление; не помню, чтобы хворал. А матери все казалось, что я могу заболеть. С другими детьми она была скупа на ласку, а меня голубила. Отец сердился, что она меня балует.

– Так вин же у мене наименьший, – оправдывалась мать.

С ней у меня связаны самые лучшие воспоминания детства. И такое «событие», как первый выезд в город.

Отец и мать собирались в Шостку на ярмарку. Попросился и я, но отец ни за что не хотел брать. Я – в слезы. Мать, конечно, заступилась, уговорила отца, и он нехотя посадил меня на воз, запряженный кобылой Машкой.

Вот и город. Дома в два-три этажа, яркие вывески – глаза разбегаются. Пока родители ходят по ярмарке, я сижу на возу – разглядываю самое высокое здание на площади и удивляюсь: какие же большие хаты бывают!..

А иногда мать вечером скажет:

– Ну, Ивась, завтра пидемо у гости в Крупец!

И я всю ночь не могу уснуть. Вскочу чуть свет. Позавтракаем и выходим в поле. Набегаюсь, устану – начинаю хныкать. Сядем под дерево отдыхать. Я дремлю, а мама напевает:

...Ой ты, котик-коточок,
Поив бабин медочок
Та й сховався в куточок...

Подрастая, я стал дичиться матери: боялся, что ребята будут дразнить, назовут «маменькиным сынком». В детстве бывает такой ложный стыд.

Мама все чаще прихварывала. Однажды, когда я, натаскав воды, хотел было бежать на улицу, она подозвала меня, грустно посмотрела и сказала:

– Чого ты, Ивась, не пидийдешь до мене, слова ласкового не скажешь?

Сердце у меня дрогнуло от чувства, похожего на жалость. Конечно, я не размышлял о том, что это такое, но, очевидно, до моего сознания вдруг дошло, как мне дорога мать.

Я долго сидел с ней, пока она сама не послала меня поиграть с ребятами.

С тех пор я еще старательнее выполнял поручения матери. Играя с ребятами, часто забегал домой узнать, не нужно ли ей чего-нибудь. И бывал рад, когда подмечал, что она мною довольна.

Братья и сестра гораздо старше меня, и у нас не было той близости, которая обычно бывает у погодков.

Сестра Мотя всегда в хлопотах по дому: то стирает, то возится в огороде, то вышивает. Ее не отдали в школу. Она научилась читать сама. На том ее образование и кончилось.

Когда я родился, ей было уже десять лет, и у нее появилась новая забота – нянчить меня. Характер у нее ровный, спокойный, выросла она была не по летам, и все же ей хотелось иной раз пошалить и порезвиться.

Мать бывало рассердится за что-нибудь на Мотю и непременно припомнит, как она оставила меня раз у погреба во дворе, а сама убежала к подруге. Я заполз на погреб и скатился по лестнице. Погреб был глубокий. Мать услышала мой крик, решила, что я расшибся насмерть, и упала без сознания. Соседка вытащила меня: я был цел и невредим. Мать долго не могла оправиться от испуга, и моя сестренка пролила тогда немало слез.

Иногда по вечерам у нас собираются подруги Моти. В хате шумно, весело. Девушки усаживаются вокруг стола с вышиваньем и весь вечер поют. У окон – гурьба парубков. Они стучат в стекла, но дивчата не пускают их в хату и еще громче, еще задорнее запевают песню.

Наши сельчанки – замечательные рукодельницы. Перед свадьбами в хатах вывешиваются рушники, раскладываются скатерти, занавески, вышитые сорочки, прошвы – выставляются напоказ приданое невесты. Собираются родственники, соседи, рассматривают вышивки. Этот обычай ведется испокон веков. Я люблю ходить с Мотей к ее подругам-невестам. Влезаю на лавку и из-за спин высоких мужчин и любопытных тетушек рассматриваю замысловатые, яркие узоры, запоминаю их, чтобы потом нарисовать.

2. Не хочу бояться

В детстве мне очень хотелось быть смелым, но не всегда удавалось сразу перебороть робость.

Была у нас бодливая, или, как у нас говорили, «колючая», корова. Особенно она не любила маленьких. Как увидит меня – голову наклонит, наставит рога и прямо в живот целится. Я от нее удирать в надежное место – на забор. Она постоит около, головой помотает для остротки и уходит не спеша.

Раз я не заметил, как она ко мне подошла. Оглянулся – стоит рядом, глаза вытаращила и рога наставила. Я закричал. Хотел на перекладину ворот вскочить, но не успел. Корова вот-вот прижмет меня к забору! Осмотрелся – у забора стоят жерди. Схватил жердь, изо всех сил ударил корову по боку – куда слезы и страх делись! – и как крикну:

– Ух, я тебе дам сейчас!

Корова шарахнулась и ушла.

С той поры я перестал бояться коровы. И всегда «нападал» первый.

Однажды в страду возле нас вспыхнул пожар.

Пока сбежались сельчане, пламя охватило два дома. Его скоро затушили. Но я был так напуган криком, суетой и огнем, что само слово «пожар» долго наводило на меня безотчетный ужас. Через несколько лет начался пожар на соседней улице. Забили в набат. Я испугался, задрожал, но в это время отец крикнул:

– Ивась! Бери маленькое ведро, будешь воду таскать!

Я схватил ведёрце и побежал за отцом, забыв о своем ребячьем страхе.

Когда мне было лет шесть, я решил научиться плавать. Другие ребята, постарше, плавают – дай, думаю, и я попробую. Вошел в деревенское Головочевое озеро и не успел шагу ступить, как с головой ухнул в ямину. Очнулся уже на берегу – сосед спас. За эту удачу меня дома наказали как следует.

Обидно было слушать, как приятели трунили:

– Что, Лобан, поплавал?

Как водится у ребят, у меня было такое прозвище.

В то же лето я все-таки научился плавать.

Вечерами, когда сельчане приезжают с поля, деревня наполняется шумом и конским ржаньем. Ребята повзрослее водят лошадей в ночное. Я с завистью смотрю, как они с гиканьем вскакивают на коней, засунув за пазуху краюху хлеба, и мчатся в луга.

Наша старая кобыла Машка с норовом. Я обхаживаю ее со всех сторон, стараюсь на нее взобраться. Но куда там! Она лягается, храпит, и я отступаю. Но наконец добился своего: подманил Машку куском хлеба, вцепился ей в гриву, подтянулся, вскарабкался на шею. Она рванулась, и я чуть было не упал. Подбежал старший брат и снял меня. Машка после этого стала относиться ко мне недоверчиво.

Прошло несколько дней, и как-то вечером отец подозвал меня и сказал:

– Сегодня поведешь Машку в ночное.

Он вывел кобылу, и я кое-как влез на нее.

Поехал. Со мной отправился соседний хлопец Яша; он постарше меня, «опытный» конюх.

Приезжаем в луга – уже совсем стемнело. Лошадей отпускаем пастись, а сами подходим к куреню.

Куренем называется место ночлега конюхов в лугах. Всю ночь там горит костер: кто греется, кто варит уху, сало жарит, картошку печет, а кто сказки рассказывает.

Ребята играют в очко на спички, а старики уже спят. Вкусно пахнет ухой. С лугов тянет свежестью, в болотах квакают лягушки. Лошади с хрустом жуют сочную траву. Кричит ночная птица.

Тени у костра кажутся какими-то чудовищами.

Я знаю, что мне предстоит испытание. Обычай таков: новичок в ночном получает «крещение», чтобы не боялся волков и темноты.

Ребята, завидев нас, повскакали; проснулись и старики. Меня обводят несколько раз вокруг костра – это закон ночного. Потом дают котелок и посылают к речке по воду да велят дорогой коней посмотреть.

Идти в темноте по незнакомым местам страшно. Но не пойти – значит осрамиться, прослыть трусом.

Вспомнились сказки про ведьм и русалок. Но и виду нельзя подать, что боишься. Как хочешь, а страх преодолевай.

Отхожу степенно, а потом не выдерживаю и несусь что есть духу. Добегаю до речки, глаза уже к темноте привыкли. Осматриваюсь, прислушиваюсь – никого. Тишина. И совсем не страшно. Набрал воды и иду к костру медленно, чтобы воду не расплескать, оглядываю по пути лошадей.

Старший куреня берет у меня котелок:

– Молодец, полный донес! Значит, не боялся. Лошадей смотрел?.. В ночном держи ухо остро да над товарищем не смейся, бо над собой заплачешь! Ну, отдыхай!..

Я вошел в жизнь куреня.

Усаживаюсь у костра и тоже пеку картошку. Иногда кто-нибудь встает и идет посмотреть лошадей; иные спят, закутавшись в кожухи, а несколько человек слушают сказки, были и небылицы. Я поел, дремота меня одолевает, и под чей-то рассказ засыпаю.

...Каждый вечер вожу Машку в табун. И достается же мне от нее! Кое-как приведешь ее в ночное, а домой ничем не заманишь. В село возвращаться приходится до зари – отец в поле выезжает рано.

Сам хлеб не ем, чтобы на него кобылу подманить. А она подойдет, ломоть схватит, повернется и норовит лягнуть – никак не подступишься!

Вот раз еду потихоньку с ночного. Пускать Машку во всю прыть побаиваюсь – сбросит. Въехал уже в деревню. Вдруг из подворотни выбежала собака и с лаем бросилась под ноги Машке. Кобыла вскинула ногами и понеслась. Я испугался, уцепился за гриву и кричу: «Тпру!.. Тпру!..» Куда там! И не думает моя Машка слушаться, вихрем летит по деревне. Еле ее оставил.

После этого я всегда пускал ее галопом.

Как-то отец поздно приехал с поля. Уже совсем стемнело, когда я отводил лошадь в табун. Решил ехать мимо кладбища, самой короткой дорогой. Ехал зажмурившись – накануне наслушался страшных рассказней про русалок и ведьм. Возвращаюсь пешком той же дорогой. Иду быстро, чего-то побаиваюсь. Вдруг вижу – чьи-то глаза, как огни, горят. У меня по коже мороз прошел, я пустился бежать: в первый раз ночью встретился с волком. Впопыхах не заметил, как добежал до кладбища. Пот с меня льет, сердце колотится. Смотрю, из темноты идет кто-то высокий, большой, в белом, длинной рукой помахивает, на меня надвигается. Ну, думаю, меня ловит мертвец! Закрыв от страха глаза и бросился бежать, не замечая дороги. А самого любопытство разбирает: «Дай же посмотрю!» Поборол страх, остановился, посмотрел назад: большая белая лошадь хвостом машет. Мне стало смешно, что я испугался лошади, запел песню и не спеша зашагал домой.

3. Первые обязанности

С возрастом у меня появилось упрямство. Отец, человек наблюдательный и вдумчивый, сразу подметил эту наклонность. Он старался переломить ее, незаметно приучая меня к трудолюбию, исполнительности и упорству в работе. И он добился того, что я привык к своим обязанностям в доме и никогда не увиливал от них.

Я еще в школу не ходил, когда отец посадил за домом несколько груш, яблонь, слив. Он и меня заставлял работать: я рыл и таскал землю, вместе с ним ухаживал за молодыми деревцами, снимал червей, окапывал стволы. Когда деревья стали давать плоды, отец посылал меня караулить их. Я припасал рогатки, камни и, сидя под деревом, прислушивался к ночным шорохам, а самому страшновато было. Иногда отец подойдет неслышно и, если я засну, разбудит:

– Заснул? Плохой из тебя сторож выйдет.

Когда я вырос, то спросил отца, зачем он это делал, ведь воров не было. Он засмеялся:

– А как же иначе! Ты у меня меньшей, я тебя и приучал сызмальства ко всякому труду.

Я хворал, старел и думал – осиротеешь рано...

Постепенно обязанностей у меня по дому становилось все больше.

Летом с утра до обеда таскаю воду для поливки огорода: наполняю целую бочку, чтобы она не рассохлась, – это моя норма. Несу полные ведра на коромысле бережно, как молоко, а сам чуть повыше ведра. Колодец метрах в ста от дома, устанешь, пока с водой дойдешь. Пасу теленка на лугу. Нас собирается много ребят, и мы бродим по траве среди кустов с утра до вечера. Зорко следим за телятами, смотрим, чтобы они в посевах не зашли, не нашкодили. Если они туда заберутся, то порки не миновать. Иной раз надоест пасти, вскочишь теленку на спину и наездишься вдоволь.

К вечеру тянет домой – хлеб съеден, пора ужинать, и спать пора. Солнце стоит низко, тени становятся все длиннее.

– Пора гнати телят до дому, – дает кто-нибудь команду.

Медленно, лениво идут сытые телята – наелись: поперек себя шире. И мы шагаем не спеша, покрикиваем: «Оле, оле, гей!» Спорим, чей теленок лучше «напасся», сказки рассказываем, а наскучит – начнем бороться, с криком, хохотом катаемся по лужку, мчимся вперегонки.

Зимой я ездил с отцом по дрова. Отец срубает сухие ветки, а я их таскаю к саням. Отец кричит: «Смотри осторожнее, глаз себе не выколи!» За отцом не поспеваю, и он сам принимается укладывать ветви на сани. Туго увязывает их, подсаживает меня на воз, приговаривая: «Держись, Ваня, не упади...» Лошадь трогает; отец шагает рядом, сбоку, – он не садится, чтобы было полегче нашей кобыле. Дома складываю ветви клетками – надо их подсушить.

По утрам чищу картошку для всей семьи, подметаю в хате. Зимой вытираю воду с подоконников, чтобы они не загнили, – отец непременно проверит, сухо ли.

Улицу нашу, с одной стороны открытую для ветра, сильно заносит снегом. Во дворе разгребаю дорожки – от крыльца и ворот к сараю, погребу.

Днем прибегают ребята и зовут играть. Слышу, кричат:

– Иван! Выходи!

Иной раз еле удержишься, чтобы не бросить все и не побежать на улицу.

4. Поступаю в школу

Читать я научился незаметно. Набегаешься днем, наиграешься, наработаешься, а вечером сидишь за столом, фантики – конфетные обертки – перебираешь и находишь знакомые буквы.

Сижу тихо, как мышонок, чтобы спать не послали. К шести годам, вот так играя, научился я читать и рисовать.

... Утро. Первый день учебного года. Стою на улице и смотрю с завистью на ребят-школьников: я еще мал. Выходит из ворот соседский хлопец, Василь, мой приятель:

– Пидем до школы, я тебе запишу.

Я так обрадовался, что даже не попросил позволения у родителей и побежал за ним.

Бегу – а сам трушу: вдруг учительница откажет? Говорили, что Нина Васильевна – строгая, но ребята ее любили.

Входим в светлый, высокий класс. Больше всего мне понравилась классная доска. «На ней славно рисовать можно», – сразу подумал я. Парты блестят, ребята одеты по-праздничному.

Учительница уже сидит за столом. У нее молодое, доброе лицо, гладко зачесанные черные волосы. Потом я заметил, что, когда она недовольна или огорчена, на лбу между бровями у нее появляется глубокая прямая морщинка.

Василь подходит к ней и, указывая на меня, говорит:

– Нина Васильевна, он читать умеет, я его привел в школу.

Она ласково улыбнулась и внимательно посмотрела на меня:

– Ну, подойди, малыш, к доске, напиши буквы, какие знаешь.

Встав на цыпочки, я старательно вывел буквы.

Учительница дала мне букварь. Сначала я запинался, а потом бойко прочел какой-то рассказ.

Нина Васильевна записала мое имя, фамилию, возраст и сказала:

– Ты еще мал, но все же я беру тебя в первую группу.

Я не помнил себя от радости.

Наступила зима, завалило улицы снегом, начались вьюги и морозы. Ходить в школу было далеко, но я вставал спозаранок – все боялся опоздать – и почти всегда приходил первый. В классе сидел смиренно: заметил, что когда все прослушаешь, от слова до слова, то потом урок выучить легко.

В школе была объявлена война грязным тетрадам и книгам: Нина Васильевна строго следила за тем, чтобы они были в порядке, и я привык их беречь.

Однажды утром был сильный мороз. Ветер рвался на нашу улицу и завывал в трубе. Я проснулся. Смотрю – совсем темно, но мать уже встала и топит печь. Она меня не разбудила: решила, что в такой мороз нечего мне идти в школу. Я со слезами упросил ее отпустить меня.

На улицах ребят не видно. Мчусь что есть силы в школу. Прибегаю. На снежной дорожке – ни одного следа. В окнах темно, из трубы вьется дымок. Поднялся на крыльцо – дверь заперта. Ну, думаю, опоздал! Мне стало так обидно, что я заплакал.

Вдруг дверь открывается и выходит Нина Васильевна. Одной рукой платок на голове придерживает, а другой обняла меня:

– Зачем ты в такой мороз пришел? Ведь мы сегодня не учимся.

А я всхлипываю и молчу. Учительница вытерла мне слезы и повела к себе.

Она сняла с меня курточку, шапку и вдруг испуганно сказала:

– Да у тебя ухо обморожено!

Выбежала во двор, принесла снегу и стала оттирать мне ухо, пока оно не начало гореть. Потом усадила к столу и принесла горячего чаю и конфет.

Я совсем успокоился, пью чай и вокруг поглядываю. У нее в комнате мне еще не доводилось бывать. Мне очень понравилась книжная полка – я еще никогда столько книг не видел.

Когда я кончил пить чай, Нина Васильевна посадила меня возле печки и дала большую книгу с картинками. Сейчас я уже не помню ни картинок, ни заглавия книги, помню только, что мне было очень хорошо у нашей учительницы. С того дня и началась моя дружба с ней. Я часто потом бывал у нее и перечитал все ее книги.

Учился я с увлечением, с утра до вечера пропадал в школе. Но вот однажды перед летними каникулами прихожу домой, отец подзывает меня и как-то доверительно-ласково говорит:

– Я болею, Ваня. Надо тебе прирабатывать. Придется уйти, сынок, из школы. Определил тебя подпаском к дяде.

Я – в слезы. Лицо отца помрачнело. Ему не хотелось, чтобы я школу бросал, но заставляла нужда. И пришлось мне наутро отправиться в соседнюю деревню, где дядя работал пастухом.

Школу никак не могу забыть. Днем еще ничего – забегаешься, отвлечешься, а вечером не находишь себе места. Первые дни дядя строго следил за мной, не отпускал ни на шаг. Но через две недели он послал меня после обеда пасти несколько коров на выгонах у деревни, а сам погнал стадо в луга.

Вижу, коровы мои в безопасности. Осмотрелся – никого кругом нет. И, недолго думая, побежал домой.

Отец уже спал. Я разбудил его:

– Что хочешь, папаша, делай, но возьми меня обратно.

Отец, ни слова не говоря, слез с лежанки, снял со стены веревку и крепко меня выпорол. За самоволие. Я даже не заплакал. И отец сдался:

– Ничего, видно, не поделаешь. Учись!

5. Куркуль

В то же лето отец мне сказал:

– Денег у меня нет. Если хочешь купить карандаши да краски – сам заработай. Вон куркуль с нашей улицы созывает малых ребят на очистку двора. Может, что и даст.

Куркуль жил неподалеку от нашей хаты, был очень богат и, как все кулаки, славился скупостью и жадностью. Мои старшие братья батрачили на него. Колхоза тогда еще не было.

Нанялся и я к нему. С утра до темноты убирал двор: таскал навоз, мел, скреб. За целый день мне не дали ни кусочка перекусить, недаром говорит старинная поговорка: «От богача не жди калача». И уплатил мне кулак за всю работу... одну копейку.

Во мне кипела злоба. Я решил ни за что не батрачить на ненавистного богатея. Но семья у нас была большая, отец болел. И я опять пошел к кулаку. Целый день гонял на молотилке лошадей по кругу. К вечеру устал, проголодался, но был доволен: на конях накатался вволю и денег, верно, заработал – уж на этот раз, думаю, куркуль проклятый заплатит получше.

Как же я был разочарован, как возмущен, когда за весь день работы на току получил кусок хлеба с тухлыми шкварками! Я швырнул подачку, повернулся и ушел.

6. Горячие дни

По вечерам к нам часто заходил наш сосед, большой друг отца, Сергей Андрусенко. Человек он был замечательный – партизан Гражданской войны, крепкий большевик, неутомимый сельский активист. Я его очень любил. Шутки и прибаутки у него с языка не сходили, но больше всего нравились мне его рассказы о ратных делах, о стойких и отважных партизанах, о боях с врагами Родины. Как сейчас вижу его моложавое загорелое лицо, живые, выразительные глаза. У него военная выправка, и хоть он не особенно высок, но вид у него внушительный. А рассказывает он, как никто. Я готов слушать его часами. Когда он кончает рассказ, я тереблю его за рукав и упрямлю:

– Ну еще, дядя Сережа!

Он улыбнется, ласково потреплет меня по голове и, если не спешит, непременно расскажет еще какой-нибудь захватывающий, красочный эпизод из своей жизни.

Таких людей, как Сергей Андрусенко, в нашем селе было немало. Все они горячо поддерживали колхозную перестройку деревни.

Помню многолюдные сходки, пламенные речи бывших партизан, оживленные разговоры на улицах, не замолкавшие до полуночи, и взволнованные слова отца: «Теперь у людей открылись глаза – поняли, что кулак на батрацком труде наживается». Помню радостные лица моих односельчан после собрания, на котором было постановлено организовать колхоз и назвать его «Червоный партизан».

На селе было много комсомольцев-активистов; они деятельно помогали коммунистам и колхозному активу проводить такое великое преобразование деревни, как коллективизация.

Мой брат Александр, активист-комсомолец, целые дни проводил в сельсовете, в поле, на сходках. Он одним из первых записался в колхоз и стал работать там счетоводом. Приходил поздно, нагруженный бумагами, работал долго, и я сквозь сон слышал, как он шелкает на счетах и рассказывает отцу о событиях дня.

Недалеко от нас жил коммунист Максимец. Сашко по дороге в правление колхоза заходил к нему посоветоваться, как со старшим товарищем.

Как-то иду с ребятами из школы. Смотрю – по улице тянется вереница телег. В гривы лошадей вплетены ленты, а на свежеекрашенных дугах большими красными буквами выведено «ОКЧП» – ображеевский колхоз «Червоный партизан». Мы, конечно, побежали вслед за телегами. Колхозники посадили нас, и мы важно проехали по всему селу.

В этот день были организованы колхозная конюшня, колхозный двор.

Стал достоянием колхоза и большой яблоневый сад, расположенный посреди села за высокой оградой.

Сад – краса нашей деревни. Его видно издали, с полей и лугов. Особенно он хорош весной, когда цветут яблони. До революции это было небольшое дворянское поместье, но и после долго еще садом пользовался родственник помещика.

Бывший барский дом, завитый хмелем и диким виноградом, с бассейном перед парадным входом, был отремонтирован. Здесь разместилось правление колхоза.

Народ шел в колхоз дружно, но все же нашлось несколько продажных душонок, которых кулаки, затаившие зло против советской власти, смогли подкупить. Они покушались на жизнь активистов, подготавливали и ограбление колхозной лавки.

То были тревожные дни. Мать беспокоилась за Сашко. Говорили, что у бандитов есть оружие. Все село поднялось на борьбу с ними. Была организована облава. Одного бандита удалось поймать быстро, другой же скрылся в жито. Сельчане помчались по его следам. Я в это время стоял с мальчишками у околицы. Вижу, по огороду бежит Максимец с ружьем. Мне почему-то сразу вспомнились рассказы дяди Сергея о партизанах, и, забыв о том, что нам,

ребятам, строго наказано в эти дни не выходить за околицу, я бросился за Максимцем. Подбежал к роще. Там стояли несколько комсомольцев. Не успел кто-то из них крикнуть мне: «Куда ты, хлопец, отправляйся обратно!» – как раздалась стрельба. Один из парубков взобрался на дерево для разведки. Мимо него просвистела пуля. Это отстреливался бандит, которого обнаружил Максимец. Потом все стихло, и я увидел Максимца и еще двух сельчан: они тащили за собой угрюмого детину со злыми, вороватыми глазами.

У нас, ребяташек, в ту пору настроение было воинственное: мы играли в войну, облаву и мечтали поймать настоящего бандита. Я с нетерпением ждал писем от старшего брата Якова – он служил в пограничных войсках в самом южном районе нашей страны, в Кушке. Он писал о борьбе с нарушителями границы. Отец вслух по многу раз подряд читал его письма родственникам и соседям. И дядя Сергей Андрусенко после этого всегда вспоминал боевые дела в Гражданскую войну. Настоящий праздник был дома, когда брат Яков прислал свои фотографии. Он стал неузнаваем: в ладно сшитой красноармейской шинели, возмужавший и, главное, с саблей в руках. Я не мог глаз отвести от этой сабли.

А скоро в село приехал на побывку наш сосед – молодой командир; он учился в военном училище.

На меня такое впечатление произвели квадраты на его петлицах, блестящие сапоги, молодеватая, уверенная осанка, что я начал подражать его манере говорить и ходить. И когда вечером он выходил за ворота покурить, то мы, ребята, стояли поодаль и глядели на него в почтительном молчании.

...После того как Максимец поймал бандита, я стал по пятам ходить за ним и за комсомольцами-активистами. Недели две спустя из района приехали агрономы. Сельчане вышли с ними в поле на митинг. Побежал и я.

Вдруг Максимец оглянулся и подозвал меня:

– А ну-ка сбегай за Ниной Васильевной да зайди в сельсовет – скажи, что через час приду на собрание.

Я помчался со всех ног. Прибежал, запыхавшись, в школу. Нина Васильевна улыбнулась, глядя на меня, и сказала:

– Да ты у нас связным сделался.

Комсомольцы стали часто давать нам, ребятам, поручения, и мы наперегонки бежали их выполнять.

И как я был рад и счастлив, когда вскоре на том самом току, где я гонял лошадей кулака, заработала молотилка нашего колхоза «Червоный партизан»!

7. Новая жизнь на селе

Прошло несколько недель после того, как у нас организовался колхоз. Однажды вечером брат Сашко сказал мне, что у нас в селе будет клуб. Когда я пришел в школу, все ребята только об этом и говорили. Через несколько дней наши сельчане поехали за строительными материалами. Работа закипела.

В сумерках, когда рабочие уходили, мы, ребята, бегали на постройку и играли там в жмурки. Пахло стружкой, в окна заглядывал месяц, на землю от бревен ложились тени. Все это нам очень нравилось, и мы неохотно шли домой.

Строительство клуба было большим событием на деревне. Его открытия с нетерпением ждали и стар и млад. Я тогда впервые услышал слово «сцена» и каждый день бегал на стройку и смотрел – много ли сделано. Мне все казалось, что работы идут медленно.

Но еще больше радовало всех, что наше село будет электрифицировано. Зимой по вечерам мы сидели с копилками, а еще совсем недавно и с лучиной. Так велось исстари. И вдруг – электрический свет! У нас будет большой, залитый светом клуб, в хатах загорится лампочка Ильича, а на току будет молотить электрическая молотилка!

Наконец в село привезли столбы. Из района приехали электромонтеры, техники. Весело, споро пошла работа!

Ребята бегали и на постройку клуба и увязывались за электромонтерами – всюду поспевали. Мы суетились больше всех. В школе засыпали учительницу вопросами, и она терпеливо, подробно объясняла нам, как проводят свет, как вырабатывается электроэнергия.

Долгожданный день наступил – ток включен! В хатах светло, уютно, а из школы так бы и не выходил – хорошо там стало! Сельчане ликовали.

В том же году, за несколько дней до Октябрьских праздников, у нас организовался пионеротряд. В ясное, солнечное утро мы до уроков выстроились в школьном дворе, и Нина Васильевна рассказала нам о пионерах, о том, что пионер, борец за дело Ленина – Сталина, должен быть примером для всех ребят. Слова учительницы, которую я любил и уважал, запали мне в сердце. И меня охватило какое-то удивительное, незнакомое до тех пор чувство.

Я очень волновался, давая торжественное пионерское обещание. Произносил слова обещания с той проникновенностью, которая свойственна человеку – и юному и взрослому – в торжественные минуты его жизни.

Вожатый повязал мне пионерский галстук, я был горд и счастлив.

С пионерским галстуком я не расставался. Перед сном тщательно складывал и прятал его под подушку. В первые дни ночью просыпался и смотрел – тут ли он.

Накануне праздника Великого Октября – к этому дню было приурочено открытие клуба – уроки в школе кончились рано. Мы побежали домой, переоделись и собрались у клуба. На нас праздничные, вышитые рубашки. Пионерские галстуки отглажены и аккуратно повязаны. Мы обступили окна клуба и прижались носами к стеклам. Клуб ярко освещен и переполнен. Нам видны на стенах портреты Ленина и Сталина, лозунги, картины, гирлянды зелени. Принарядился сегодня и вожатый – наш сельский комсомолец. Пуговицы на его военной гимнастерке – он ее надевает в особо торжественных случаях – начищены до блеска. Он вводит нас в зал, и мы чинно рассаживаемся по скамейкам – они оставлены для нас. На сцене незнакомый мне человек – докладчик. Мы сидим тихо, только иногда подталкиваем друг друга локтями и перешептываемся: «Хорошо-то как!»

Доклад окончен, и мы хлопаем вместе со взрослыми так, что ладони горят. Потом гости, приехавшие из районных организаций, поздравляют нас с великим праздником Октября, поздравляют с открытием клуба. У всех настроение радостное, приподнятое.

Вдруг свет погас и ярко осветился экран. Я не помню названия кинокартины – в ней была показана колхозная жизнь: все было близко, понятно. Картина мне до того понравилась, что я несколько дней просто бредил ею.

К нам стали часто приезжать лекторы, артисты, докладчики, давал спектакли кружок самодеятельности при клубе. В школе были организованы хоровой и драматический кружки; ими руководили наши учителя. Художник Малышок нарисовал декорации для наших школьных постановок. На сцене стояли деревья, кусты, хаты. Особенно изумлял занавес.

Мы долго готовились к первому выступлению. Сами рисовали, красили, мастерили. На спектакль пришли деды, отцы и матери. И нам хлопали не меньше, чем настоящим артистам.

Больше всего я любил кино – «туманные картины», как называли их на селе. Когда привозили кинокартину, я не отходил от механика, добродушного и веселого малого, и помогал ему складывать коробки с лентами. Как-то механик позволил мне покрутить ручку во время киносеанса. Это мне доставило, пожалуй, не меньше удовольствия, чем сама картина.

8. Наш пионеротряд

Меня избрали членом редколлегии школьной газеты. И с той поры до окончания семилетки я оформлял школьную и классную стенгазеты, рисовал лозунги и плакаты.

Перед выпуском газеты мы целыми вечерами просиживали в классе: кто готовил заметку, кто вырезал и наклеивал иллюстрации. Тепло, уютно.

Нина Васильевна сидела тут же за столом и поправляла наши тетради. Работали тихо, чтобы ей не мешать. Иногда она, взглянув на часы, скажет:

– Поздно уже, кончайте: вам еще уроки готовить.

А мы отвечаем ей ее же словами:

– Раз обещал – надо выполнить.

Учительница засмеется, погрозит пальцем и опять сядет за тетради или объявит перерыв, чтобы прочесть нам статью из газеты или рассказ. Она часто читала нам стихи Пушкина, Шевченко, Маяковского.

Пришла весна. Однажды после уроков Нина Васильевна сказала нам:

– Ребята, давайте возьмем шефство над колхозным садом. На правлении говорили, что его надо привести в порядок. А время сейчас горячее, начинаются полевые работы. Колхозники нам будут очень благодарны. Садовод вас поучит, как ухаживать за деревьями, и я вам об этом почитаю. Согласны?

Мы хлопаем в ладоши:

– Конечно, согласны, Нина Васильевна!

Учительница идет с нами в колхозный сад. Там в сарае сложены резцы, лопаты, весь инвентарь.

Старые яблони набивают бутоны. Сад запущен: сухие ветви мешают молодым побегам.

Мы разбиваемся на бригады: одни расчищают дорожки, другие срезают попорченные ветки.

Залезаю на высокую сучковатую яблоню и срезаю отмершие ветки. Ножницы большие, с пружиной, с ними трудно управляться. Но мне нравится, как они звонко лязгают, откусывая ветку. Нина Васильевна и старик садовод подходят то к одному, то к другому и указывают, какую ветку надо срезать, а какую – не трогать. Сучья сжигаем там же, в саду. Собираем червей, чтобы не поели лист.

В несколько дней сад был приведен в порядок. Мы следили за ним все лето. И не только одно лето: с тех пор мы стали помогать садоводу ежегодно. Сад разросся и поправился. И когда осенью ветви гнулись под желтыми и красными наливными яблоками, когда колхоз собирал обильный урожай, на душе становилось весело. И нам немало перепадало из сада.

После дождей посевы поросли сорными травами. Наш отряд выходит на поле. Раннее утро. Еще не жарко. Тщательно выбираем сорняк, отбрасывая его подальше от посевов.

Солнце начинает припекать. Нина Васильевна говорит:

– Кончайте, ребята, становится жарко. Идемте к речке, обсудим наш поход в совхоз.

И мы гурьбой мчимся на берег, где так хорошо пахнет дикими травами. Садимся вокруг учительницы. Рядом со мной – мой закадычный друг Иван Щербань. Он смелый, веселый хлопец, хороший физкультурник. Иван рано лишился отца и ведет дома все хозяйство. Тут и Володя Латковский. Я люблю бывать у него дома: его сестра – учительница, и у них много книг. Вот и горбунок Ивась, хилый мальчуган. Он живет на окраине деревни, часто болеет, но занятий в школе не пропускает и изо всех сил старается наравне с нами работать в колхозе...

...Недели через две после работы на колхозном поле мы отправились за пятнадцать километров в совхоз на прополку сахарной свеклы. Было чудесное, теплое утро. С песнями незаметно прошли пятнадцать километров по полям и перелескам.

Стараясь не задеть ни одного свекловичного стебля, полел я свою полоску. Мне казалось, что я делаю большое, общественно важное дело. Всем отрядом мы пропололи не один гектар свекольного поля.

Ежегодно по несколько раз мы приходили в совхоз. Нас встречали очень приветливо:

– Пионеры пришли!.. Утощенье готово – поешьте, передохните, а там и за работу!

Работали с увлечением, соревнуясь, чье звено перевыполнит норму. День проходил незаметно; идешь бывало с работы усталый, но довольный.

На бескрайных полях, засеянных сахарной свеклой, рожью четырехгранкой, коноплей, на приволье, под солнцем, накапливали мы силы, приучаясь к коллективному труду.

Каждое лето во время сенокоса наш отряд жил недели по две в заливных лугах. Мы помогали колхозникам: ворошили душистую траву, а когда она высыхала, подавали к стогам, на возы; разводили костры, чистили картошку, таскали воду.

В полдень, в самый зной, мы вместе с колхозниками ходили на речку Ивотку купаться и отдыхать.

Иногда в низине возле речки набредешь на большую лужу – местами вода долго стоит после разлива. В ней водятся щука и карась. Огородишь лужу со всех сторон, взбаламутишь воду – рыба выходит наверх, и хватаешь ее руками.

Мы брали с собой газеты, брошюры, и вечером к нашему костру подсаживались колхозники. Начнешь читать вслух. Вокруг так тихо, что думаешь: уж не уснули ли все? Посмотришь – нет, слушают внимательно. И старики и молодежь.

Сначала, когда приходила моя очередь читать, я робел, но потом привык и даже бывал горд, что меня слушают взрослые. Я уже понимал, что делаю полезное дело. Бывало, кончишь читать газету – и тебя просят: «Еще, сынок, почитай!» И вопросы задают. На вопросы, конечно, отвечал не я, а комсомольцы или учительница. Завязывалась оживленная беседа. В чтении и разговорах незаметно подходила ночь.

Идем полем в совхоз. Заколосилась рожь. Ветер развеивает душистую пыльцу.

Вдруг Нина Васильевна останавливается и говорит:

– Ребята, а помните, какие клочки земли были здесь еще совсем недавно? Вон там была земля кулака, и ваши отцы и братья батрачили на него. А тут была целина. Смотрите, какая теперь на ней рожь! И все это наше коллективное добро, гордость наша!.. Вот подождите, осенью тут заработает колхозная молотилка – вы увидите, как это будет интересно.

И правда, раньше поле было словно в неровных заплатках, а теперь по обе стороны дороги сплошной высокой стеной стояла рожь. Мы долго любовались величественной картиной земли, на наших глазах обновленной коллективным трудом.

Осенью мы выходили в колхозное поле собирать колоски. У каждого – своя полоса. Ползаю по земле. Колос за колосом – набит почти целый мешок. На моей полосе выбрано все, до колоска. Принимаюсь за новую.

– Ребята! – кричит вожатый. – Кончайте, уже за колосками из колхоза телегу прислали!

Мне хотелось собрать все, до колоска. Только подумаю: «Ну, все собрал!» – смотрю, еще колос. Оглянулся – вижу, несколько ребят копошатся: видно, им тоже не хочется бросать полосу.

Свой мешок я еле дотащил до воза.

9. Буду художником

После того как я самовольно вернулся в школу, убежав из подпасков, отец стал требовательнее относиться к моему учению, ежедневно проверял отметки и домашние задания. И случалось, он сердито говорил:

– Перепишешь упражнение – небрежно сделал.

Иногда приходилось переписывать по два-три раза.

В четвертой группе я получил за полугодие «отлично» по всем предметам.

В первый день каникул, вернувшись из школы домой, я увидел на столе разноцветные открытки. Кинулся их рассматривать.

– Это откуда, тату, кому?

– Тебе за успехи. Перерисовывай. Я тебе и красок купил. Малышок обещал, когда кончит срочную работу, поучить тебя. Ну-ка, попробуй!

– Та попеть дай ему! – перебивает мать.

Я наскоро ем и сажусь за рисование.

– Мать, иди-ка посмотри, как у него лошадь получилась, – говорит отец.

Он доволен. Доволен и я.

Отец любит природу, знает повадки зверей и птиц, по своим приметам угадывает погоду. Он складывает стихи и по вечерам подолгу слушает пение дивчат, собирающихся на улице. Ему нравится, что я могу рисовать все, с чем он так свыкся: хату и поле, рощу и стадо.

Моими рисунками он простодушно гордится, хотя и не подает виду. Собираясь в гости в соседнюю деревню, отец говорит словно между прочим:

– А где, сынок, твои картинки, что вчера сделал? Дай-ка сюда.

И несет их в подарок.

– Кончишь школу, пойдешь учиться рисовать, – часто повторяет он.

И я привыкаю к мысли, что быть мне художником.

Я подолгу смотрел на картины Малышка, украшавшие клуб. Удивлялся: вблизи мазня, а отойдешь подальше – все оживает.

Художник Малышок был немолод, сутуловат и всегда замазан красками. Когда он работал в клубе, нас туда не пускали. Говорили, что он чудаковат: не любит, чтобы смотрели, как рисует.

Его картины я отлично помню. Может быть, они и не были так хороши, как мне тогда казалось, но я ими восхищался. Особенно мне нравились пейзажи – виды окрестностей нашего села. Я их подолгу рассматривал. И мне очень хотелось научиться рисовать маслом.

Я говорил отцу:

– Ты ведь обещал, тату, что Малышок меня поучит.

– Он скажет, когда можно будет. Хворает сейчас. Сходи, сам узнай...

Но я так и не отважился пойти к нему: он внушал мне какую-то робость. Эту робость я испытывал и при встречах с другим мастером, только по рыболовной части, – стариком по прозвищу Каплун. Он жил все лето в сарайчике на берегу озера Вспольного. У него были свои лодка и сети. К нему из Шостки часто приезжали охотники и рыболовы. Он не любил рыбачить, когда на него смотрели, и шугал ребят. Мы всегда обходили «Каплунов бережок» – место, где обычно сидел старый рыбак.

Малышок умер, когда я перешел в пятую группу. Так и не удалось мне поучиться у него. Долго вспоминал я художника-самоучку.

Рисование выработало у меня глазомер, зрительную память, наблюдательность. И эти качества пригодились мне, когда я стал легчиком.

10. В классе

Группа у нас была дисциплинированная и дружная. Мы вместе и работали и учили уроки. Ссорились редко. Но был у нас один озорной хлопец – Сергей. Я его невзлюбил за то, что он поддразнивал, обижал горбунка Ивася, доводил до слез. Мне это не нравилось. Частенько у нас с Сергеем дело чуть до драки не доходило. Драться, конечно, мне случалось, и нередко, но где-нибудь на улице, а не в школе. Но однажды я изменил этому правилу.

Я сидел уже за партой, а учительницы еще не было в классе. Вошел Ивась. Он, видно, был нездоров и еле перемогался. Сел на свое место. А Сергей подскочил к нему и ни с того ни с сего ударил по уху. Ивась жалобно закричал, схватился за голову и упал на парту. Тут я не стерпел, у меня даже потемнело в глазах от злости. Бросился на Сергея, мы сцепились в клубок и стали кататься по полу у самого стола учительницы. Я хотя и был поменьше ростом, но оказался сильнее. Только я собрался сесть на Сергея верхом, как вдруг дверь открылась и вошла Нина Васильевна. Мы вскочили. Стою ни жив ни мертв. Стыдно мне, что в классе подрался.

– Он не хотел, Нина Васильевна! Он за Ивася вступился! – закричали ребята.

Нина Васильевна строго велела всем сесть по местам, а после урока она поговорила по душам с нами о дружбе и долге пионера.

Этот случай надолго остался в моей памяти.

В следующую субботу Нина Васильевна собрала нас и сказала:

– Ребята, у нас в классе есть отстающие. Вот, например, Гриша Вареник не в ладах с арифметикой. Кто ему поможет?

Василь, я и еще несколько ребят – все мы учились неплохо – подняли руки.

Учительница посмотрела на меня:

– Вот, Ваня, ты с ним и займись. А вы, ребята, подтяните отстающих по другим предметам.

После уроков мы стали оставаться в школе. Мой «ученик» оказался непоседой. Бывало только начнем заниматься, а он, глядя в окно на волейболистов, заявляет:

– Ну, давай кончать. Я все уже понял.

Но я был упрям: сам не вставал из-за парты и его не пускал, пока не убеждался, что он действительно понял.

Занимаясь с ним, я закреплял и свои знания. Видел, что Гриша тоже постепенно начинает любить арифметику: не уйдет, пока не сделает все уроки. Мне так нравилось заниматься с отстающими, что я подумывал – не стать ли учителем? Но все же больше всего мечтал стать военным.

Пристрастие ко всему военному – очевидно, тут было и влияние рассказов дяди Сергея – особенно выросло у меня после того, как вернулся из армии, с Кушки, мой старший брат Яков. Он возмужал, стал держаться уверенно, свободно.

Первые дни я от него не отходил – куда он, туда и я. Из школы спешил домой: все боялся пропустить рассказы Якова о пограничной службе, о борьбе с бандитами – нарушителями границы. Мне очень хотелось надеть его форму – френч и сапоги. Но я был мал и, когда пробовал примерить, «тонул» в его обмундировании.

11. На пойме

В тот год широко разлились по лугам Десна и Ивотка. Вышло из берегов Вспольное. Целое море подступило к нашей деревне.

Вода с поймы спадала медленно. Островками выступали бугры, и на них буйно росли щавель и дикий лук.

Утром мы с Андрейкой, соседским мальчиком, захватив большие холщовые сумки, отправились за щавелем к Вспольному. Бродим по лугу – и все нам щавель не нравится. Рассказывали, что у самой Десны на островках он уж очень хорош и сочен. Вдруг видим – несколько ребят волокут по берегу лодку и спускают ее на воду. Мы начали кричать, чтобы они нас подождали. Но ребята поплыли одни. Смотрю: на отмели валяется затопленный челночок, в песок зарылся – видно, его прибило.

Мы живо вытянули лодку на берег, перевернули ее, чтобы воду вылить. Глядим, а лодка худая. Решили ее починить.

У меня в карманах всегда было много всякой всячины – пуговиц, фантиков, гвоздей. А когда я отправлялся на озеро, то брал с собой и паклю. Случалось, найдешь старую лодку, законопатишь щели паклей и наплаваешься вволю, пока лодку доверху не зальет вода. И на этот раз я наполнил карманы паклей. Мы с Андрейкой быстро законопатили наш челн.

Вёсел у нас, конечно, не было. Мы отыскивали на берегу дрючки покрепче, спустили лодку на воду, оттолкнулись и стали дрючками грести. Чуть отплыли – лодка дала течь. Гребу один, а мой приятель солдатским котелком черпает воду со дна. Подплываем к лодке. Там Василь – крепкий, сильный паренек, Проня – моя одноклассница и еще несколько ребят.

Они над нашим челноком потешаются:

– Глядите-ка, кто за капитана, дрючками как подгребает!

Мы отшучиваемся, плывем по раздолью и поем песни, словно наша лодка без изъяна.

Вот и островок. Подплыли, выскочили на берег. Далеко раскинулась водная гладь, не окинешь глазом. На островке зелено, привольно. Мы бросились наперегонки рвать щавель.

Набегались досыта, набрали по целой сумке щавеля – запасов на целую неделю хватило бы. Не заметили, как поднялся ветер, вода разбушевалась, появились барашки.

Мы побежали к лодке. Смотрим – наш с Андрейкой челн до краев полон. Видно, надо всем в одну лодку грузиться.

Побросали в лодку сумки, кое-как разместились и поплыли. Лодка глубоко сидит в воде – борта выходят всего лишь на пол-ладони. Стало страшновато.

Плывем медленно. Лодку швыряет из стороны в сторону. Того и гляди, перевернемся.

Черная туча скрыла солнце. Ветер так и рвет. Дрожим от страха и холода.

Порыв ветра – и лодка чуть не зачерпнула. Второй вал покрыл нас с головой. Лодка опрокинулась. Но у нас под ногами оказалась земля. Выбрались из-под лодки, ухватились за борта. Василию, самому высокому, вода по грудь, а нам всем – по шейку.

Мы начали изо всей силы кричать:

– Рятуйте, рятуйте!

Волны и ветер с ног валят. Барахтаемся в воде, как щенята.

Василь и я стараемся удержать лодку. Ее тянет и сносит течением. Уговариваем остальных:

– Держите челн, не толкайтесь, а то нас сдует!

Волны перекатываются через головы. Начинаем захлебываться.

Берег далеко, но нам видно, как там суетятся ребята. Приметили нас, волнуются.

По берегу Вспольного несется повозка. Вот лошадь остановилась, кто-то спрыгнул, вскочил в лодку, оттолкнулся и гробет к нам. Мы следим за ним, радуемся: спасены!

Лодка подплывает к нам с наветренной стороны. Она уже совсем близко. И вдруг поворачивает и плывет обратно. Мы остолбенели.

– Куда он, тупак, заворачивает? Плыдем за ним, ребята! – скомандовал Василь.

Мы вплавь кинулись догонять. Весь страх перед волнами пропал.

Я догнал лодку первый. За мной – Василь. Смотрим, в лодке полно воды. Я сорвал с пояса котелок и стал выгребать воду. Подплыли Андрейка и Проня, уцепились за борт. А хозяин лодки все гребет в сторону от того места, где мы чуть не потонули. Узнали его: это дядя Игнат, наш односельчанин.

– Куда ты, дядя Игнат, подберем наших!

– Сейчас сами потонем! – ответил он зло. – Я думал, с вами моя жинка. Она с утра в Новгород-Северский поехала. Вот я ее и ищу.

Игнат говорит и на нас не смотрит. Он с трудом гребет против волны к кустам – они словно на воде росли.

Доплыли до кустов. Лодку захлестнуло. Стали тонуть. Схватились за ветки. Пробую ногой дно – дна нет. Осмотрелся – кругом вода... До берега не доплыть, и думать нечего.

Нашупал сучок потолще и уперся в него ногами – не то стою, не то вишу. Рядом Андрейка.

Куст качается – вот-вот вырвет и унесет его ледяная быстрая вода. Кто-то сказал:

– Ребята, пропали мы! Тут глубина-а-а...

Никто из нас уже не кричал. Мы обессилели.

Только Игнат, сидя на кусте, изредка выкрикивал:

– Караул! Караул!

Но и он затих.

Холод пронизывал. Я чувствовал, что коченею. В глазах потемнело, кружилась голова. Огромные волны обдавали меня, чуть не сбивая с куста. Мне казалось, что мы торчим здесь уже целый день. Скывывала странная дрёма. Но я держался крепко, руки словно приросли к веткам.

Я знал, что нас ждет. Жаль было мать, отца, школу. Но почему-то страшно не было.

Не заметил, как впал в беспамятство, словно заснул. И вдруг мне показалось, будто что-то тяжелое срывается с куста. Ветки дрогнули, и послышался всплеск воды.

Сквозь дрёму мне вспомнилось, как мать говорила, что, когда замерзаешь, охватывает оцепенение: заснешь – и конец.

Стараюсь пересилить сон. Хочу крикнуть: «Ребята, Андрейка, держитесь, не спите!» Но голос не слышится. Свело губы.

– Рягуйте! – словно издали слышу я крик Игната.

И вдруг до меня доносится голос брата Сашко:

– Ивась, держись!

С трудом открываю глаза. Вижу – рядом парусник и кто-то с него протягивает мне руки. Я подаю руку... и больше ничего не помню.

Очнулся я на печке. Полумрак. Лампочка завешена чем-то плотным. Верно, уже поздняя ночь. Все спят, а рядом со мной сидит мама и гладит меня по голове.

– Боюсь, не занедужив бы ты, Ивась, – говорит она и, помолчав, добавляет дрожащим голосом: – Трое втопились.

В ту ночь я долго не мог уснуть, плакал. Все мне мерещилось, как тонут ребята, как бушует вода и ломаются ветки на кусте под нами.

Больше всего мне было жаль Андрейку: это он упал с куста и утонул.

Мать не отходила от меня...

Теперь, много лет спустя, мне кажется, что тогда, на разлившейся Десне, мне впервые довелось испытать силу и выносливость.

12. Игры

С малых лет мы увлекались незамысловатыми деревенскими играми. Сколько их было у нас!

Зима. Озера затянулись льдом. С нетерпением ждешь, когда он окрепнет. И наконец слышишь, кто-то из приятелей кричит:

– Айда, ребята, карусель строить!

Гурьбой бежим к озеру.

Забиваем посреди льда кол, на него насаживаем колесо от телеги, а к колесу прикрепляем длинную жердь. К концу жерди привязываем санки. Ляжешь на них плашмя, а ребята крутят колесо. И вот несешься по кругу, только в ушах свистит. Не удержишься – катишься кубарем. А если салазки сорвутся, то выбросит на самый берег. Часто и взрослые собирались посмотреть на нашу карусель.

Или вырубешь четырехугольную льдину-кригу, оттолкнешь, бросишься на нее с разбегу и мчишься по льду, пока не налетишь на берег.

Многие ребята катались на коньках. Мне отец коньков не покупал. Я с завистью глядел, как ловко и быстро ребята режут лед коньками, и чуть не плакал с досады.

Решил смастерить коньки. Сделал деревянную колодку, подковал ее проволокой и привязал к ноге.

Правда, на этих проволочных – «дротяных», как мы их называли – колодках можно было кататься лишь на одной ноге, но это меня мало смущало.

Летишь лихо. Одной ногой скользишь, а другой отталкиваешься. Быстроту такую развивал, что дух захватывало. Я так наловчился мастерить эти дרותные колодки, что даже другим ребятам делал, выменивая их на карандаши, тетрадки, фантики от конфет.

Дома мне за коньки доставалось: обувь на одной ноге изнашивалась скорее. И отец запретил мне кататься. Только через несколько лет я сам заработал себе на коньки и часто вспоминал лихое катанье на колодке.

Лыжи мы делали сами. Разберем старую бочку и из доски мастерим лыжину. Ребята устраивали большие снежные горы – трамплины – и с них прыгали. Бывало так врежешься в сугроб, что еле выберешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.